

Практическая философия

Practical Philosophy

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-1-178-193>

Научная статья / Research Article

В проблемном поле публичной философии

Н.Ю. Козлова✉

Московский педагогический государственный университет,
Российская Федерация, 119991, Москва, Малая Пироговская, д. 1, стр. 1,
✉nyu.kozlova@mpgu.su

Аннотация. Предметом статьи являются публичная философия, основные подходы к ее трактовке, препятствия и современные пути достижения философией публичности. В качестве одного из основных таких препятствий рассматривается процесс профессионализации философии, который привел к укреплению и расширению философского академического сообщества и в то же время усугубил его и без того слабые коммуникативные связи как с социумом, так и с коллегами из других отраслей научного знания. Обосновывается позиция, в соответствии с которой, с одной стороны, публичность трактуется в качестве имманентной характеристики философии с момента ее появления; с другой — признается, что философии сегодня необходим публичный «апгрейд» и новый опыт ведения конструктивного диалога с социумом. Такая «новая» публичность философии может оказаться способом ее собственного «переоткрытия». Вместе с тем показано, что стремление к публичности характерно для современной академической науки в целом, являясь во многом ее вынужденной реакцией на новые экономические реалии, побуждая включаться в информационную борьбу за привлечение внимания государства и социума. В определенной мере это коснулось и философии, несмотря на традиционно сложившееся, транслируемое культурой и поддерживаемое системой образования признание важности и ценности философского знания. Отмечается, что идея «переоткрытия» философии непосредственно связана с вопросом о функции философа в общественной жизни; рассматриваются различные возможные «типы» публичного философа. Вопреки распространенному мнению, делается вывод, что общество нуждается не столько в философе-эксперте или посреднике в научной сфере, сколько, в первую очередь, в «профессиональном консультанте», деятельность которого приведет к «перенастройке» повседневного мышления человека, к развитию рационального отношения к себе — способности в первую очередь критически мыслить, осознанно относиться к своей жизни и нести ответственность за свои решения.

Ключевые слова: публичная философия, академическая философия, профессионализация философии, публичный «апгрейд» философии, научная коммуникация

© Козлова Н.Ю., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Информация о финансировании и благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-011-00937 «Публичная философия: понятие, проблемы, подходы (философско-методологический анализ)».

История статья:

Статья поступила 13.10.2021

Статья принята к публикации 26.12.2021

Для цитирования: *Козлова Н.Ю.* В проблемном поле публичной философии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 1. С. 178—193. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-1-178-193>

In the Problem Field of Public Philosophy

Natalya Yu. Kozlova✉

Moscow Pedagogical State University,
1/1, M. Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation,
✉nyu.kozlova@mpgu.su

Abstract. This article focuses on public philosophy, the main approaches to interpreting it, current ways for philosophy to reach the public, and obstacles to this. A major hindrance is that philosophy is an area of professional expertise. This circumstance has both conduced to the development of a large close-knit academic community and enfeebled its already weak communication ties with society and other fields of scientific knowledge. It is argued that, on the one hand, publicness has been immanent in philosophy from the very beginning, and, on the other, philosophy needs a public ‘upgrade’ and a new experience of a constructive dialogue with society. This new publicness of philosophy may be the way to ‘recovery’ it. It is also shown that tendency towards greater publicness, which is distinctive of modern academic sciences, is a response to the new economic situation. Sciences are becoming engaged in an info-struggle for the attention of the state and society. This is affecting philosophy as well, although the value and importance of philosophical knowledge have been traditionally recognised and emphasised in culture and by the education system. It is stressed that the idea of ‘recovering’ philosophy is closely linked to what function the philosopher has in the life of society. The contribution considers various possible ‘types’ of public philosophers. It is concluded that, contrary to the common belief, society needs not an expert philosopher or a mediator in the field of science but a ‘professional consultant’ capable of ‘calibrating’ the thinking routines of people and helping them adopt a rational attitude towards themselves, that is, acquire an ability to think critically, form a conscious judgement of their life, and take responsibility for their decisions.

Keywords: public philosophy, academic philosophy, professionalization of philosophy, public ‘upgrade’ of philosophy, scientific communication

Funding and Acknowledgement of Sources. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00937 "Public philosophy: concept, problems, approaches (philosophical and methodological analysis)".

Article history:

The article was submitted on 13.10.07.2021

The article was accepted on 26.12.2021

For citation: Kozlova NYu. In the Problem Field of Public Philosophy. *RUDN Journal of Philosophy*. 2022;26(1):178—193. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-1-178-193>

Наука в условиях неолиберализма: стремление или тяготение к публичности?

Стремление к публичности — современный тренд в развитии мировой науки¹. В гуманитарной сфере на сегодняшний день широко известна публичная социология, публичная история, публичная политология, публичная антропология и публичная философия, о целях и способах реализации которой ведутся споры.

Тяготение к публичности (я не случайно заменяю слово «стремление» на «тяготение») во многом явилось следствием осознания науки как прежде всего социокультурного феномена, развитие которого все более зависит от успешности диалога с обществом. Однако за подобным осознанием скрывается, как отмечает ряд авторов, стремление научного сообщества адаптироваться к условиям новой экономической реальности, навязываемой неолиберализмом и его социальной политикой рынка и конкуренции [1—4].

Начиная с середины прошлого века наука переживает волну «профессионализации», в частности, разрастается штат «профессиональных» философов [4], зарабатывающих преподаванием и написанием философских работ, увеличивается количество учебных заведений, выпускающих подобных специалистов, развивается институционализация, философия подвергается «дисциплинизации». Политикой укрепляющегося неолиберализма наука все более затягивается в рыночные отношения, невольно лишаясь статуса априорной общественной ценности и принимая роль одного из множества игроков на арене борьбы за внимание социума. В условиях тотального рынка и профессионализации ценность научного труда, равно как и любого другого, начинает измеряться его продуктивностью и экономической целесообразностью.

¹ В статье я не преследовала цель дать историко-философский обзор развития идеи публичной философии. В исследовании очерчен круг проблем, выявляющий неоднозначность появления данного тренда и практическую трудность погружения философии в публичную сферу. В отечественный философский дискурс идея публичной философии вошла сравнительно недавно. Ее обсуждение можно встретить в публикациях Ю.М. Резника, В.Н. Шевченко, посвященных выявлению социокультурной роли философа, а также в Докладе Совету при Президенте Российской Федерации по науке и образованию на тему «Философия в публичном пространстве современной России: институциональные аспекты».

Несмотря на существующие зарубежные и отечественные примеры выходов философов в публичную сферу — напр., Public Philosophy Network (<https://www.publicphilosophynetwork.net/>), Blog of the APA (<https://blog.apaonline.org/tag/public-philosophy/>), Конференции по философской практике, Семейный клуб «Школа Сократа» Л.Т. Ретюнских, совместный проект Института философии РАН и Библиотеки имени Ф.М. Достоевского под руководством Ю.В. Синеокой «Анатомия философии: как работает текст» (2014—2017 гг.), публичные лекции П.В. Рябова в культурно-просветительском центре «АРХЭ» и др. — в целом, на мой взгляд, ситуация с развитием публичной философии довольно сложная, в настоящее время философов вряд ли можно назвать «властителями дум».

Возникает своего рода научный конвейер: первостепенную важность обретают количество работ и скорость их написания, но не всегда качество². Наука становится, с одной стороны, отраслью, продуцирующей знания и выставляющей их на продажу, при этом желая получать финансирование, она вынуждена обосновывать государству и обществу свою ценность и актуальность; с другой стороны, наука превращается в бизнес, завязанный на научной метрике и, как это ни парадоксально, престижности быть профессиональным ученым в глазах сообщества. Порой наука как бизнес оказывается довольно далека от таких своих вечных «идеалов» научности, как «поиск истины» и «стремление к познанию», и сводится при формальном соблюдении научной культуры (написание статей, получение научных степеней и пр.) к банальному монетизированному (легально и нет) продвижению по карьерной лестнице (не всегда академической) к заветным финансовым благам и привилегированному социальному положению.

Таким образом, неолиберализм с его доктриной свободного индивида, продающего свои навыки и способности, актуализовал финансовое измерение в научной культуре и поставил науку перед необходимостью отстаивать собственную ценность в глазах общественности. Упомянутое выше «тяготение» науки к публичности оказывается именно таковым потому, что в большинстве случаев диалог с публикой является не естественным желанием ученого, привыкшего к коммуникативной замкнутости своего профессионального сообщества, а необходимостью, продиктованной условиями для получения столь желаемого финансирования: коммуникативный разрыв между наукой и обществом настолько велик, что ученые вынуждены обосновывать значимость своих исследований. И если естествознание и информационные науки при своем вхождении в публичную сферу сталкиваются в основном с проблемой перевода научных трудов на понятный язык «инструкции по эксплуатации», то с гуманитарными науками всё обстоит гораздо сложнее.

Проблема актуальности гуманитарных наук и ее парадоксальность

Современная реальность разворачивается в смысловых координатах, во многом заданных еще эпохой Просвещения. В нынешней техногенной культуре порабощение разумом природы, рациональное покорение бытия человеком закономерно воплотились в установке на производство продукта и владение им. С этой точки зрения естествознание и компьютерные науки, направленные как на разработку *реальной* продукции, делающей жизнь удобной *здесь и сейчас*, а не в обозримом будущем, так и на производство *фактов*, расширяющих представления о современных возможностях познания, находятся в более выгодной позиции по сравнению с гуманитарными науками. При качественной презентации научных идей с картинками, фокусами и наглядными экспериментами общество с интересом наблюдает и радостно

² Портрет профессионального философа, пытающегося выжить в условиях жесткой рыночной конкуренции [5], а также о «профессионализации» научной сферы [6].

встречает их (естествознания и компьютерных наук) достижения, преобразующие человеческую повседневность. В то время как гуманитарным наукам, не дающим осязаемого зримого результата, в особенности философии, побуждающей человека помыслить о самом неосознаваемом для него и потому сложном — о том, *как* он мыслит, о чем и почему именно об этом, а не о чем-то другом, — то есть, по сути, ставящей под сомнение механизм человеческого существования, буквально выбивая экзистенциальную опору из-под ног — такой философии трудно найти своего потребителя, особенно трудно также потому, что в прошлые века философия существовала самодостаточно и автономно от социума, в каком-либо потребителе и вовсе не нуждаясь.

Проблема актуальности гуманитарных наук сама по себе парадоксальна: как могло случиться, что «науки о духе», исследующие человеческое существование во всех аспектах его бытия и потому могущие играть ведущую роль в театре социально-политических событий, вдруг оказываются в роли декораций, необходимость которых к тому же еще нужно пояснять? В этой связи мода на публичность обостряет парадокс, поскольку гуманитарные науки, равно как и остальные, не переставали являться публичными в силу своих научных идеалов — просвещения общества и ориентированности на его духовные нужды.

Современное стремление развить публичную философию, которое во многом подается и встречается как новый концептуальный и методологический подход к решению проблемы дистанцирования и коммуникативного «барьера» между обществом и философией, выглядит с этой точки зрения довольно странным. Возможность понимания философии как публичной науки была заявлена еще в античности, явившись, по сути, причиной ее (философии) последующего развития. Философия того времени была, прежде всего, беседой мудреца, владевшего искусством «заботы о душе» (упоминания у Платона, Эпиктета, Сенеки, Марка Аврелия), с учениками, стремившимися обрести добродетель, чуткое самоосознание и власть над собой. Подобное отношение к себе, позволявшее «жить самым достойным образом», вырабатывалось именно в практике философского разговора [7]. И хотя на первый взгляд может показаться и иногда во многом оправданно, что в течение последующих веков своего развития философия все более замыкалась на самой себе, довольствуясь собственными концептуальными ресурсами и существуя во многом автономно и независимо от интересов и потребностей широкой публики, сам факт ее развития — появления научных трудов, споров об основах мироздания и ценностях человеческой жизни, главное — о проблемах *жизни, экзистенции*, свидетельствует о том, что беседа, тот первый диалог между философией и обществом, не прекращалась, а всего лишь протекала в имплицитной и во многом кабинетно-замкнутой форме. С этой точки зрения философское произведение в своей идее и языковой форме уже содержит попытку реализации диалога философии и общества. Однако данная попытка не всегда оказывается удачной в силу как специфики

научного философского языка с его любовью к метафоре и абстракции, так и особенностей культурного развития обычного человека, редко проявляющего интерес к наукам, экономя свои интеллектуальные усилия.

Публичный «апгрейд» философии как проблема

Современные подходы к публичной философии разнообразны в выявлении прикладной специфики философского знания. Они базируются на анализе довольно широкого круга проблем, которые условно можно разделить на «внутренние» и «внешние». Первые возникают из осмысления готовности философии как академической науки к внутренним трансформациям в условиях цифрового горизонта современности, готовности принять нормы современной публичной саморепрезентации, отказавшись от академических стандартов и идеи интеллектуальной исключительности. Вторые связаны с определением ее общественной функции, осмыслением причин существующего дистанцирования и коммуникативного «барьера» между философским сообществом и социумом, а также разработкой стратегии его преодоления.

Одно из главных затруднений в развитии публичной философии — восприятие философии в современном обществе. Чаще всего данное восприятие характеризуется пониманием культурной важности философии и принятием ее обусловленного педагогической традицией места в образовательной системе. Философию изучают в университетах как обязательный предмет, однако при этом, к сожалению, редко сознавая ее действительную важность и необходимость не только при первично-университетском формировании специалиста, но и в его последующей профессиональной жизни. Положительность формального отношения к философии на практике оборачивается урезанием учебных часов на преподавание и сокращением курсов. Таким образом, ценность философии признается номинально: она оказывается своего рода «культурным ископаемым», значимость которого в образовательной системе по традиции на словах чтится и подчеркивается, но в реальности философия оказывается элиминированной из контекстов актуального.

Причину подобного отношения к философии находят в особенностях процесса профессионализации, который претерпевала философия, замыкая себя в рамки академической дисциплины. Так, Д. Маркони в своей статье «Искусство мышления» анализирует «глубокую трансформацию образа философа» [4. Р. 7—10], вызванную многократным количественным увеличением штата профессиональных философов. Он говорит о превращении «Великого Философа» — исследователя с энциклопедическим складом ума, способного создавать широкую картину реальности с учетом различных аспектов человеческого существования — в «философа-ремесленника», уже не претендующего на построение феноменальной в своем размахе философской системы, а скромно возделывающего свой узкоспециализированный замкнутый философский уголок, философа, профессионализм которого измеряется его соответствием стандарту «грамотного мастера», а не «архитектора соборов».

Но у профессионализации есть, как отмечает Маркони, и положительное следствие: параллельно историко-философской традиции развивается аналитическая философия, которая «имеет дело с философскими проблемами не с целью их описать, а попытаться разрешить» [4. Р. 9]. Перед исследователем, занимающимся аналитической философией, не стоит задача разработки «общего видения мира», он, подобно естествоиспытателю, разрабатывает конкретную проблему, пытаясь внести свой вклад в общее исследовательское поле [4. Р. 10]. Аналитическая философия оказывается довольно трудной реализацией концепции «ремесленной философии», «честной работой», не кантовско-гегельянского уровня, но «открытой для людей с определенным интеллектом, культурой и творческими способностями» [4. Р. 10].

Обе тенденции профессионального философского труда — историко-философская и аналитическая — являются, с точки зрения Маркони, реализациями работы «мастера, преследующего локальные исследовательские цели и не стремящегося «углубить вселенную»: он не строит соборы и не проектирует идеальные города, но изготавливает кресла, обувь, украшения» [4. Р. 10]. Переживая профессионализацию, философия все более замыкалась на узкоспециализированной проблематике и, соответственно, реализовывалась на профессиональном языке, становясь все менее понятной для не-философов.

Таким образом, случившийся в XX в. «дисциплинарный захват» [5] философии явился закономерным шагом на пути ее профессионализации. Это, с одной стороны, дало импульс развитию философского академического сообщества, с другой — усложнило коммуникацию с коллегами из других научных отраслей и с обществом в целом.

Публичный апгрейд философии осложняется также давним противостоянием частных наук и философии [8]. Известна критика философии физиком С. Вайнбергом, попытавшимся обосновать дотоле «не обоснованную неэффективность философии», указывая на то, что устойчивые философские доктрины, вроде механицизма, обладая слишком большим влиянием на умы исследователей, приносят науке больше вреда, чем пользы [9. Р. 133]³. И хотя Вайнберг в своем рассуждении упускает из внимания тот факт, что зачастую философские системы, обретшие силу «исследовательских традиций», с трудом преодолеваются не потому, что они такие устойчивые, а потому, что далеко не каждый ученый обладает развитым критическим мышлением и способен разрабатывать собственную исследовательскую позицию, не следуя

³ См. также пассаж С. Хокинга «Живя в этом огромном мире, то добром, то жестоком, пристально вглядываясь в необъятное небо над головой, люди всегда задавались множеством вопросов: как мы можем понять мир, в котором находимся? как функционирует Вселенная? какова природа реальности? откуда всё взялось? нуждалась ли Вселенная в создателе?.. Традиционно этими вопросами занималась философия, но философия мертва. Философия отстает от современных достижений науки, особенно физики. Ученые стали носителями факела открытий в нашем поиске знаний» (пер. наш. — *Н.К.*) [10. Р. 5].

моде и академической клановости, — подобное обоснование «неэффективности» философии снискало свою поддержку.

По мере роста научной специализации противопоставление науки и философии становится все более явным. Несмотря на возрастающее количество научных публикаций, обосновывающих необходимость взаимосвязи науки и философии [11], довольно часто в среде частных наук можно встретить негативное отношение к философии и использование определений «философский» и «научный» как «ярлыков» для обозначения «регрессивного» и, соответственно, «прогрессивного» [8. Р. 1979].

Очевидно, что разногласия между представителями конкретных наук и философами во многом обусловлены спецификой самой философии: во-первых, порой слишком абстрактной предметной областью философских исследований, во-вторых, особенностями философского научного языка. Данная специфика может затруднять научный поиск ученого, силой своей специализации ориентированного на работу не с умозрительными конструкциями и концептуальными допущениями, а с конкретным естественнонаучным или языковым материалом, и стремящегося обнаружить результаты своего исследования здесь и сейчас и ощутимо доказательным путем. С этой точки зрения «философская софистика тормозит развитие эмпирических наук» [8. Р. 1978]. Также одним из важных препятствий на пути к сотрудничеству исследователей-эмпириков и философов является взаимная неосведомленность о последних научных достижениях друг друга [11]. Таким образом, наблюдающееся в современной исследовательской практике отчуждение между конкретными науками и философией, отсутствие широкого взаимодействия между ними представляет собой серьезную проблему, поскольку лишает и философию, и науку необходимых для их собственного развития наблюдений и результатов. Подобную позицию отчуждения можно назвать печальным следствием позитивизма, отказывавшегося признавать гуманитарные науки наукой из-за их якобы несоответствия идеалам научности. Если отвлечься от столь поверхностного взгляда на сущность науки и обратиться к реалиям научного творчества, то становится очевидным, что конкретные науки — это прежде всего творческие игры разума, и открытие нового не обходится без способности широко и критически мыслить, «изобретательно» подходить к проблеме, размыкая существующую систему представлений. И сколько бы Вайнберг и подобные ему ученые ни стремились отмежеваться от философии в науке, философская рефлексия будет для них неизбежна уже в силу того, что их первоначальный «интерес познать» глубоко философичен по своей сути. А выдвигаемые ими оптимистичные лозунги вроде «философия умерла, за наукой будущее» очень напоминают «поддельные» рассуждения, описанные Ч. Пирсом, когда не рассуждение определяет вывод, а наоборот.

Возвращаясь к проблеме публичного апгрейда философии, следует отметить, что она непосредственным образом связана с проблемой отношения самих философов к публичности. Нередки примеры, когда философы пренебрежительно отзываются о взаимодействии с публикой как о деятельности

с «низшей интеллектуальной ценностью» и «пустой тратой ресурсов» [3. Р. 87—88]⁴, что обусловлено в большей степени несовпадением интересов социума и философского сообщества [8, 13, 14], чем отсутствием у не-философов профессиональной подготовки, хотя и эту причину нельзя недооценивать. Так сложилось, что общество пребывает в двух параллельных интеллектуальных реальностях: с одной стороны, культурой транслируются важность и ценность научного, философского осмысления мира, с другой — данная ценность нивелируется практикуемыми жизненными стратегиями успеха. Проще говоря, свободное мышление, его критичность, воля к познанию и удовольствие от него и прочие ценности науки по традиции восхищают людей, но к успеху в реальности жизни приводят редко. Поэтому люди ими восторгаются, но на практике предпочитают не разделять. В итоге, не имея опыта научной рефлексии и в практике жизни сформировав уровень поверхностного «объектного» мышления, публика даже при наличии живого интереса к философской проблематике оказывается попросту интеллектуально не готовой к философскому диалогу⁵. Данная проблема так же стара, как и попытки распространить философское знание среди не-философов.

Подобное амбивалентное отношение к публичности, а именно, с одной стороны, слабое желание или и вовсе его отсутствие общаться с широкой публикой (исключение — деятельность в образовательной сфере и единичные примеры философской популяризаторской активности) ввиду несовпадения интересов и уровней философской рефлексии, с другой — вынужденное признание необходимости данного общения в условиях современной экономической реальности, представляет собой довольно серьезную проблему, обнажающую необходимость во взаимосвязи философского сообщества и социума. Похожую проблематику рассматривает М. Буравой, анализируя современное состояние социологии и ее готовность отвечать вызовам современности. Отмечая существующее разделение труда в социологическом сообществе на прикладную, профессиональную (академическую) и критическую социологию [15. С. 15—30], описывая их специфику и функции, он приходит к выводу, согласно которому корреляция с публичной социологией является

⁴ Историческую перспективу на развитие проблемы дает Фродеман [12].

⁵ Причину данной неготовности я вижу в непопулярности философии. Например, одним из показателей социальной невостребованности философии является ситуация с ее восприятием молодежью. Буквально живя на информационных платформах вроде YouTube, Instagram, VKontakte, ТИК-ТОК и пр., студенты могут перечислять десятки имен известных блогеров и обсуждать их репортажи, но, когда речь заходит о философах с мировым именем, откликаются единицы, о философах-современниках либо не знает никто, либо называют писателей вроде У. Эко или П. Козльо. Злободневные видео, например, Ю. Дудя оказываются более актуальными, чем не менее злободневные рассуждения философов. Подобное положение дел можно объяснить не столько форматом выступлений блогеров, хотя и он важен («цифровая» молодежь, как показывает практика, не владеет культурой чтения, не умеет обрабатывать большие объемы информации и потому испытывает серьезные затруднения при работе с философскими текстами и рассуждениями), сколько восприятием философии в обществе, обуславливающим интерес к ней.

необходимым условием для развития всей социологической науки: «...профессиональный компонент — это сердце нашей дисциплины. Без профессиональной социологии не может существовать прикладная или публичная социологии, как и критическая социология — ведь тогда нечего будет критиковать. В той же степени жизнеспособность профессиональной социологии зависит от постоянного обращения к важным социальным проблемам, от вызовов, формулируемых публичной социологией» [15. С. 30].

Предметная специфика профессиональной философии позволяет философам, в отличие от социологов, и далее успешно пребывать в узкоспециализированной замкнутости философского сообщества. Однако подобная оторванность от актуальных социально-политических контекстов, отсутствие живой, не-теоретической, вписанности в публичное пространство отражается как на развитии философского дискурса, так и на публичном образе философии, которая зачастую воспринимается в общественном сознании, вследствие социальных стереотипов и отношения философского сообщества к публичности, как «культурное ископаемое» и «утомительное теоретизирование». В то же время данная оторванность печально сказывается на духовной жизни общества, увлекаемого информационным шумом эпохи и чехардой ценностных установок, «сбитого с толку» (Дж. Дьюи) и погрязшего в нелепых конфликтах, хотя философия могла бы помочь в прояснении злободневных вопросов и в приобретении осмысленности, рациональности и осознанности.

Очевидно, что вышеупомянутая проблема несовпадения интересов и уровней философской рефлексии не-философов и философов не может быть устранена попытками перевести узкоспециализированное философское знание на доступный язык. Но подобно тому, как естествознание демонстрирует обществу свою значимость результатами экспериментального труда и выводением очередной совокупности фактов, философия может напомнить о своем вкладе в развитие науки и культуры: об изобретении логики, внедрении ценности критического мышления, развитии научной методологии и многовековом обосновании важности интеллектуального труда и т.д. [3].

Идея «переоткрытия» философии и функция философа в общественной жизни

В условиях цифровой современности и борьбы за внимание аудитории философии все сложнее полагаться на свой веками выстраивавшийся образ высокой интеллектуальности и «метафизической отчужденности». Философии, чтобы продолжать существовать, необходим публичный «апгрейд» и опыт ведения конструктивного диалога с социумом. Публичность философии может оказаться способом ее собственного «переоткрытия»: диалог с обществом, настойчивое всматривание в его практику жизни, поиск максимально эффективной языковой формы могут означать пересмотр сообщаемого философского знания, открытие новых стратегий осмысления классических

проблем. Иными словами, обусловленная наступившей экономической реальностью прагматическая «замкнутость» на проблемах и интересах общества может обернуться смысловой «разомкнутостью» философии.

О подобном «переоткрытии» философии пишет Дж. Дьюи, анализируя парадоксальность взаимосвязи философии и общества. Если рассматривать развитие философии в контексте развития человеческой цивилизации и культуры, то можно увидеть, что философия возникала не из «интеллектуального», а «социального и эмоционального материала», из попыток людей с разными «социальными целями и устремлениями» осмыслить важный для них опыт повседневности [16. Р. 27]. С этой точки зрения философия никогда не занимала по отношению к обществу позицию стороннего наблюдателя, наоборот, она всегда была вовлечена, встроена в социальную жизнь людей, выражая неутомимый поиск более правильного и разумного способа бытия.

«Переоткрытие» философии заключается в том, что то, что ранее философия делала «неосознанно» и «скрыто», а именно осмысляла практику человеческой жизни, маскируясь вниманием к метафизическим вопросам и проблематике, теперь нужно делать «осознанно» и «открыто»: «...задача философии будущего заключается в том, чтобы прояснять представления людей о социальных и нравственных конфликтах своего времени. Цель философии — стать, насколько это возможно, инструментом урегулирования данных конфликтов» (пер. мой — *Н.К.*). Метафизические рассуждения обретают особую значимость, когда оказываются связанными с «драматической борьбой общественных убеждений и идеалов» [16].

Идея «переоткрытия» философии непосредственно связана с вопросом о функции философа в общественной жизни. Существует несколько точек зрения относительно того, в какой роли и в каких социальных контекстах может выступать профессиональный философ: «публичный интеллектуал, работающий над проектами совместно с учеными, инженерами, политиками, государственными учреждениями, социальными группами» [1; 12]; публичный эксперт-идеолог, консолидирующий усилия политиков, экономистов, юристов, духовенства и т.п. в управлении обществом, выступающий «переходником» между активными политическими силами и академической философией [17. С. 14; 18], «дающий ответы на запросы общества», умеющий «пафосно подавать истину» и «создавать привлекательный образ» страны [19. С. 41]; философ-медиатор — ценный посредник в междисциплинарных исследованиях [20], обладающий высокой гуманитарной культурой, владеющий навыками «интерактивной экспертизы» [21]⁶, конструирующий «зоны обмена» (П. Галисон), облегчающий взаимодействие ученых и в целом выводящий исследования на качественно новый уровень научного анализа; философ-консультант, не продвигающий свое экспертное мнение, «сопряженное

⁶ Коллинз пишет о специалисте с развитой гуманитарной культурой, владеющем «интерактивной экспертизой» [21].

с познанием истинного положения дел» (В.В. Миронов), а предлагающий различные методологические подходы к осмыслению проблемы и демонстрирующий важность «гигиены мышления» [2].

Приведенные выше точки зрения, за исключением последней, актуализируют образ философа-эксперта, обладающего такими знаниями, которые могут вывести общество на свет истины из тени заблуждений. По сути, налицо все тот же элитарный подход к философии и ее задачам, который, будучи установлен еще Платоном (вспомним миф о пещере и образ философа, познавшего истину и стремящегося просветить людей, а также политическую теорию, утверждающую власть философов над людьми, которые всячески сопротивляются этому просвещению), лег в основу эволюции философской мысли, транслировался в течение веков и во многом послужил причиной наблюдающегося сегодня острого кризиса в отношениях философов и общества.

Поэтому неудивительно, что результатом философского осмысления проблемы роли философа в жизни общества (а это именно проблема с учетом современной экономической политики) становится ставшее классическим напоминание о высшей социальной «миссии» философии — например, укрепление в условиях современного «кризиса идей и ценностных установок» национальной идентичности [17; 18], формирование общих для «русской (русской) цивилизации» «смысло-жизненных» ценностных установок, организация нового «публичного интеллектуального пространства» для «инновационного общества, организация «зон обмена» и «переводческая» деятельность для различных научно-технологических культур и т.д. Вполне закономерно и ожидаемо, что перед великой наукой, философией, ставятся великие цели и задачи. Однако, если отнестись к ходу подобного философского осмысления критически, можно заметить, что подобное определение назначения философии — лечение «симптоматики», но отнюдь не причин наблюдающегося общественного или научного «недомогания».

Свободное ориентирование в социальном мире, понимание политико-экономических процессов, переживаемых страной и миром, начинается с самого «простого» повседневного человеческого умения *мыслить*, то есть способности предвдвять любое практическое действие критическим размышлением над ситуацией, оценкой причин, возможных связей и последствий предполагаемого выбора или действия. Формирование великой и благородной реальности, которую описывают современные исследования по публичной философии, назначая главной целью привлечения философии и ее экспертов в функционирование социальных и политических институтов, на деле начинается с включения философии, ее «механик» мышления, в повседневную жизнь человека. Иными словами, на практике эта столь желаемая реальность начинается с решения конкретных проблем и задач, связанных с «перенастройкой» повседневного мышления человека, с развития у него рационального отношения к себе — способности в первую очередь критически мыслить, осознанно проживать опыт существования и нести ответственность за свои решения.

Возможностей вписать деятельность профессионального философа в социальные и политические контексты довольно много, однако ситуация с общественным восприятием философии, отношением к ней, а именно той практике размышления, умению критически и рационально мыслить, которым она пытается научить человека, со времен Платона не изменилась. Большинство по-прежнему предпочитает очарование «теньями и образами» в темной пещере повседневного опыта познанию «высшей реальности вещей», или хотя бы просто свободному, лишенному предрассудков и давления традиций, использованию собственного ума, что серьезно осложняет потенциальное философское экспертное вмешательство в общественную и научную жизнь, ставя достижение великих целей под большой вопрос. В то же время подобная сопротивляемость философскому просвещению побуждает задуматься о специфике человеческого мышления — а нужна ли ему, собственно, философская рефлексия, настаивающая на трезвом, рациональном и ответственном переживании опыта жизни и тем самым выбивающая экзистенциальную почву из-под ног? Если одна рыба ловко взобралась на дерево и успешно обустроилась там, может ли она призывать других рыб делать то же самое, критикуя их «неправильный» образ жизни?⁷ Практика жизни и историческое развитие человеческого общества показывает, что человечество устойчиво и вполне благополучно переполняется «избытком отсутствия себя», на этом строит свою культуру и продолжает здравствовать, а философский подход со всеми его достоинствами — лишь один из многих подходов к задаче существования.

Если же философское просвещение все-таки необходимо и развитие публичной философии — главное его условие, то очевидно, что «платоновский» образ философа-эксперта нуждается в трансформации. В отличие от ученых-эмпириков, оперирующих научными фактами и находящихся в относительном согласии в понимании той или иной теории, философы, вступая в общественные и политические дебаты, не располагают «твердо обоснованными выводами, что есть правильно и что есть хорошо» [2]: любая философская концепция проблематична и неоднозначна, и потому философы не могут диктовать обществу и государству, как должно жить. Но философы, располагая многовековым опытом познавательной рефлексии, разработки логико-методологического инструментария и наблюдения духовной жизни общества, могут внести свой вклад в достижение обществом своего «совершеннолетия», занимаясь возведением «архитектуры» мышления. Иными словами, обществу, скорее, поможет не эксперт с его претензиями на знание «истинного положения дел» и «чудотворное» посредничество в научной сфере, а профессиональный консультант, обращающий внимание прежде всего на «технику» мышления — логику, модели и структуру аргументации, сильные и слабые стороны методологии, проблемы концептуализации

⁷ Перефразирование высказывания А. Эйнштейна «Все мы гении. Но если вы будете судить рыбу по ее способности взбираться на дерево, она проживет всю жизнь, считая себя душой».

и пр. — и предлагающий их анализ. Однако это не означает, что общество вовсе не нуждается в экспертах при постановке и анализе проблем, но также не означает и того, что социальные проблемы можно решить «внешним» экспертным вмешательством: как отмечает Дж. Дьюи, «человек, носящий обувь, лучше всех знает, что она жмет и где она натирает, даже если опытный сапожник лучше всех знает, как устранить проблему» [22]. Общественные конфликты и проблемы могут быть действительно и даже перспективно устранены только «изнутри», когда в обществе в целом повысится качество мышления и градус «разумности». До этих пор все экспертные предложения, скорее всего, на практике будут оставаться нереализованными.

Заключение

Публичная философия — довольно неоднозначный научный тренд, актуализующий широкий круг вопросов и проблем. На мой взгляд, апгрейд публичного восприятия философии следует начинать с изменения заявленного в начале статьи «тяготения» к публичности на стремление к публичности — желания прямого, доброжелательного и терпеливого диалога с обществом, преобразования опыта профессионального затворничества в непосредственную включенность в социально-политический «эфир», в пребывание среди людей и их проблем, в сближение с ними в минуты их слабости.

Список литературы

- [1] *Frodeman R., Briggle A., Holbrook J. B.* Philosophy in the Age of Neoliberalism // *Social Epistemology: A Journal of Knowledge, Culture and Policy*. 2012. Vol. 26. Issue 3—4. P. 311—330.
- [2] *Leiter B.* The Paradoxes of Public Philosophy // *Indian Journal of Legal Theory*. 2016. Issue 1. P. 51—64
- [3] *Pigliucci M., Finkelman L.* The Value of Public Philosophy to Philosophers // *Essays in Philosophy*. 2014. Vol. 15. Issue 1. P. 86—102.
- [4] *Marconi D.* Il mestiere di pensare. Torino : Einaudi, 2014. 160 p.
- [5] *Frodeman R., Briggle A.* Socrates Tenured: The Institutions of 21st-Century Philosophy. London, New York : Rowman & Littlefield, 2016. 182 p.
- [6] *Schmidt J.* Disciplined Minds: A Critical Look at Salaried Professionals and the SoulBattering System That Shapes Their Lives. New York : Rowman & Littlefield, 2001. 304 p.
- [7] *Козлова Н.Ю.* Риторика и наука: преодоление античного разрыва // *Проблемы современного образования*. 2018. № 1. С. 9—18.
- [8] *Marco J.N., Brancaccio D., Zoccali C.* Can there be science without philosophy? // *Nephrology Dialysis Transplantation*. 2016. Vol. 31. Issue 12. P. 1977—1981.
- [9] *Weinberg S.* Dreams of a Final Theory. New York : Pantheon, 1992. 352 p.
- [10] *Hawking S., Mlodinow L.* The grand design. New York : Bantam Books, 2010. 208 p.
- [11] *Laplana L., Mantovani P., Adolphsd R., Change H. et al.* Why science needs philosophy // *PNAS*. 2019. Vol. 116. No. 10. P. 3949—3952.
- [12] *Frodeman R.* Philosophy dedisciplined // *Synthese*. 2013. Vol. 190. P. 1917—1936.
- [13] *Kitcher P.* Philosophy Inside Out // *Metaphilosophy*. 2011. Vol. 42. Issue 3. P. 248—260.

- [14] Hanna R. How To Escape Irrelevance: Performance Philosophy, Public Philosophy, and Borderless Philosophy // *Journal of Philosophical Investigations*. 2018. Issue 12. P. 55—82.
- [15] Буравой М. За публичную социологию // *Социальная политика в современной России: реформы и повседневность* / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М. : ЦСПИ, Вариант, 2008. С. 18—51.
- [16] Dewey J. *Reconstruction in Philosophy*. New York: Henry Holt and Company, 1920. URL: <http://www.gutenberg.org/files/40089/40089-h/40089-h.htm> (дата обращения: 06.11.2020).
- [17] Шевченко В.Н. Зачем нужна обществу публичная философия? // *Философский журнал*. 2014. № 1 (12). С. 5—18.
- [18] Резник Ю.М., Шевченко В.Н. Философия как публичная деятельность: мнения за и против // *Личность. Культура. Общество*. 2019. Т. 21. № 1—2 (101—102). С. 230—245.
- [19] Философия в публичном пространстве современной России // *Сборник материалов*. М. : ЛУМ, 2015. 104 с.
- [20] Tuana N. Embedding Philosophers in the Practices of Science: Bringing Humanities to the Sciences // *Synthese*. 2013. Vol. 190. Issue 11. P. 1955—1973.
- [21] Collins H., Evans R. Interactional expertise and the imitation game // *Trading zones and interactional expertise. Creating new kinds of collaboration* / Ed. by M.E. Gorman. Cambridge: MIT Press, 2010. 312 p.
- [22] Dewey J. *The political writings* / edited, with introduction, by D. Morris and I. Shapiro. Indianapolis, Cambridge : Hackett Publishing Company, 1993. 187 p.

References

- [1] Frodeman R, Briggles A, Holbrook JB. “Philosophy in the Age of Neoliberalism. *Social Epistemology: A Journal of Knowledge, Culture and Policy*. 2012;26(3—4):311—330.
- [2] Leiter B. The Paradoxes of Public Philosophy. *Indian Journal of Legal Theory*. 2016;(1):51—64.
- [3] Pigliucci M, Finkelman L. The Value of Public Philosophy to Philosophers. *Essays in Philosophy*. 2014;15(1):86—102.
- [4] Marconi D. *Il mestiere di pensare*. Torino: Einaudi Publ.; 2014. 160 p. (In Italian).
- [5] Frodeman R, Briggles A. *Socrates Tenured: The Institutions of 21st-Century Philosophy*. London, New York: Rowman & Littlefield; 2016. 182 p.
- [6] Schmidt J. *Disciplined Minds: A Critical Look at Salaried Professionals and the Soul-Battering System That Shapes Their Lives*. New York: Rowman & Littlefield, 2001. 304 p.
- [7] Kozlova NYu. “Ritorika i nauka: preodolenie antichnogo razryva” [Rhetoric and Science: Overcoming the Ancient Break]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of the Modern Education]. 2018(1):9—18. (In Russian).
- [8] Marco JN, Brancaccio D, Zoccali C. Can there be science without philosophy? *Nephrology Dialysis Transplantation*. 2016;31(12):1977—1981.
- [9] Weinberg S. *Dreams of a Final Theory*. New York: Pantheon; 1992. 352 p.
- [10] Hawking S, Mlodinow L. *The grand design*. New York: Bantam Books; 2010. 208 p.
- [11] Laplanea L, Mantovanic P, Adolphsd R, Change H et al. Why science needs philosophy. *PNAS*. 2019; 116(10):3949—3952.
- [12] Frodeman R. Philosophy dedisciplined. *Synthese*. 2013;190:1917—1936.
- [13] Kitcher P. Philosophy Inside Out. *Metaphilosophy*. 2011;42(3):248—260.
- [14] Hanna R. How To Escape Irrelevance: Performance Philosophy, Public Philosophy, and Borderless Philosophy. *Journal of Philosophical Investigations*. 2018;(12):55—82.

- [15] Buravoy M. Za publichnyuyu sotsiologiyu [For Public Sociology]. In: *Sotsial'naya politika v sovremennoi Rossii: reformy i povsednevnost'*. Ed. by P Romanova, E Yarskoi-Smirnovoi. Moscow: TsSGPI, Variant Publ.; 2008. P. 18—51. (In Russian).
- [16] Dewey J. *Reconstruction in Philosophy*. New York: Henry Holt and Company; 1920. URL: <http://www.gutenberg.org/files/40089/40089-h/40089-h.htm> (Accessed: 06.11.2020).
- [17] Shevchenko VN. Zachem nuzhna obshchestvu publichnaya filosofiya? [Why does society need public philosophy?]. *Filosofskii zhurnal*. 2014;12(1):5—18. (In Russian).
- [18] Reznik YuM, Shevchenko VN. Filosofiya kak publichnaya deyatel'nost': mneniya za i protiv [Philosophy as a public activity]. *Personality. Culture. Society*. 2019;21(1—2): 230—245. (In Russian).
- [19] *Filosofiya v publichnom prostranstve sovremennoi Rossii* [Philosophy in the public space of modern Russia]. Moscow: LUM Publ.; 2015. 104 p. (In Russian).
- [20] Tuana N. Embedding Philosophers in the Practices of Science: Bringing Humanities to the Sciences. *Synthese*. 2013;190(11):1955—1973.
- [21] Collins H, Evans R. Interactional expertise and the imitation game. *Trading zones and interactional expertise. Creating new kinds of collaboration*. Ed. by ME Gorman. Cambridge: MIT Press; 2010. 312 p.
- [22] Dewey J. *The political writings*. Ed. with introduction by D Morris and I Shapiro. Indianapolis, Cambridge: Hackett Publishing Company; 1993. 187 p.

Сведения об авторе:

Козлова Наталья Юрьевна — кандидат философских наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия (e-mail: nyu.kozlova@mpgu.su).

About the author:

Kozlova Natalya Yu. — PhD in Philosophy, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia (e-mail: nyu.kozlova@mpgu.su).